

Вислава Шимборська

Стихотворения

Луковица

Чем отличается луковица.
Внутренности ей не нужны.
Сама из себя она луковится
до луковеличины.
Луковиста снаружи,
луковое ядро,
без содроганий могла бы она
глянуть в свое нутро.

В нас — чужбина и дикость
притаились под тонкой кожицей,
с исподу в нас преисподняя,
анатомия несъедобная,
А в луковице — луковица,
Не кишки, которым неможется.
Она многократно нагая,
Вглубь итумуподобная.

Экзистенция цельной луковицы
тешит создателя взор.
В каждой под плотью упругой
другая луковка твердая,
и далее — по порядку:
третья и четвертая —
центростремительной фугой,
эхом, сложенным в хор.

Как я понимаю, луковица —
наилучшее чрево мира.
Сама себе — ореолы
над головой кумира.
А в нас — нервы, жир и жилы,
и то, что во власти клизм.
И нам, увы, недоступен
совершенства идиотизм.

Недоумение

Почему я слишком единственная?
Та, не другая? И что тут делаю я?
В этот вторник? В доме, а не в гнезде?
С кожей, без чешуи и с лицом не листовным?
Почему этим разом единственным?
Именно на земле, при малой звезде?
После стольких эпох небытия?
В кои-то веки, при всякой фауне-флоре?
При инфузориях, зорях и прочем вздоре?
Точно сегодня? До крови, до кости — я?
Одна у себя с собой? Почему
здесь, а не за сто миль к северу ль, к югу?
И не вчера, и не сто лет тому,
сичу и смотрю я в темный угол
— как смотрит, внезапно вскинувши нос,
ворчащая тварь под названием пес?

Конец и начало

После войны
кто-то должен прибраться.
Какой-никакой порядок
сам не наведется.

Кому-то сгребать обломки
к обочинам дороги
чтобы могли проехать
обозы с трупами.

Кто-то должен копаться
в грязи и пепле,
диванных пружинах,
осколках стекла
и кровавых ошметках.

Кто-то должен доставить бревна,
чтоб подпереть стены,
кто-то — стеклить окна
и новую дверь навесить.

Не фотогенично это
и занимает годы.
Все фотокамеры ринулись
на другую войну.

Надо вернуть мосты
и отстроить вокзалы.
Все рукава обмахрятся
от закатывания.

Кто-то с метлой в руках
вспоминает еще, как все было.
Кто-то слушает,
кивая уцелевшей головой.
Но вот уже рядом с ними
переминаются те,
кому становится скучно.

Кто-то еще иногда
из-под куста выроет
заржавленные аргументы
и снесет их на кучу мусора.

Те, что знают точно,
что тут было,
должны уступить место тем,
кто мало знает,
или еще меньше,
или совсем ничего.

В траве, которой поросли
причины и следствия,
должен кто-то валяться
с колоском в зубах,
разглядывая тучки.

Тучки

Описывая тучки
Следует торопиться —
То они этакие —
И тотчас—раз — и другие.

Свойство у них такое —
не повторяться
формой, оттенками, позами и настроениями,
не обремененные памятью,
они легко реют над фактами.

Свидетели из них никудышные —
тут же рассеиваются во все стороны.

В сравнении с тучками
жизнь кажется, основательной
Почти выносимой и чуть ли не вечной.

При тучках
даже камень кажется братом,
на которого можно положиться.
А эти — так, дальние ветреные кузины.

Пусть, мол, люди побудут, если хотят,
а после пускай по очереди умрут,
им, тучкам, дела нет до того,
до всего —
удивительного.

Над всей Твоей жизнью
и моей, еще не всей,
шествуют роскошно, как шествовали.
Не давали обета они исчезать вместе с нами.
Пусть не видит никто, как плывут в небесах табунами.

Буффонада

Вот пройдет любовь, за нею
минут сто и двести лет,
и опять мы будем вместе:

комедиант и комедиантка,
доброй публики любимцы,
нас сыграют на подмостках.

Фарс недлинный, в нем куплеты,
в меру танцев, много смеха,
меткий бытовой набросок —
и овации.

Будешь ты смешон на сцене
в этом галстукe, ревнивец,
неприменно.

*Я — на троне, при короне,
сердце бьется, ум в загоне.
сердце глупое разбилось,
и корона — ах! — свалилась.*

*Как мы встретились в начале,
разошлись под хохот в зале,
как семь рек и семь гор
меж собою измышляли.*

И когда нам станет мало
настоящих бед-злосчастий —
на словах добьём друг друга.

Выйдем к рампе на поклоны,
Фарс закончится — финал.
Зритель спать пойдет — весь вечер
он до колик хохотал.

Проживет он беспечно,
укротив любовь, и будет
тигр из рук его кормиться.

А мы вечно — что-то с чем-то,
в колпаках да с бубенцами,
всё нам варварские трели
заглушают.

Театральные впечатления

Самым важным в трагедии мне видится акт шестой:
мертвецы восстают с поля битвы,
оправляют парики и костюмы,
из груди клинок извлекают,
из петли вынимают шею,
становятся в ряд меж живыми
лицами к публике.

Поклоны — соло и общие:
белая длань на пробитом сердце,
реверансы самоубийцы,
кивок отрубленной головой.

Поклоны парные:
жестокость подает руку кротости,
жертва нежно ловит взгляд палача,
бунтовщик и тиран мирно стоят бок о бок.

Попирается вечность носком золотой туфли,
развеивается мораль полями шляпы.
Неотвратима готовность утром начать все заново.

Гуськом выходят умершие много прежде —
в акте третьем, четвертом или в антрактах.
Чудесное возвращение безвестно сгинувших.

Мысль, что они терпеливо ждали в кулисах,
не снимая костюмов
и не смывая грима,
трогает меня сильнее, чем тирады трагедии.

Но подлинно возвышает миг, когда опускают занавес,
и то, что еще видно в просвет внизу:
там — рука торопливо тянется за букетом,
сям — другая подбирает оброненный меч.
И только тогда третья, невидимая,
свершает своё Предназначение:
стискивает мне горло.

Nature morte с воздушным шариком

Вместо воспоминаний
в час предсмертный
загадаю себе возвращение
потерянных вещей.

В окна-двери нагрянут зонтики,
чемоданы, перчатки, плащ,
чтобы могла сказать я:
На кой мне все это?

Булавки, гребенка и щетка,
бумажная роза, шнурок и нож,
чтобы могла сказать я:
мне ничего не жаль.

Ты где-то прячешься, ключик,
тоже гляди — не опаздывай,
чтобы могла сказать я:
ржав ты, милый, ржав.

Свалится туча справок,
пропусков и анкет,
чтобы могла сказать я:
Солнышко заходит.

Часы, нырнувшие в реку,
дайте-ка взять вас в руку,
чтобы могла сказать я:
Врете на час.

Найдись, воздушный шарик,
отнятый ветром однажды,
чтобы могла сказать я:
Здесь ведь нет детей.

Лети — окно распахнуто,
лети в бескрайний мир,
пусть кто-то вскрикнет: О!
Чтоб я заплакать могла.

Ночной кошмар поэта

Представь себе, что мне приснилось.
С виду там все, как у нас.
Земля под ногами, вода, огонь, воздух,
горизонталь, вертикаль, треугольник, круг,
левая и правая стороны.
Погода сносная, ландшафты неплохи
и много существ, наделенных речью.
Однако речь у них совсем не земная.

Во фразах царит безусловное наклонение.
Названия накрепко прилеплены к вещам.
Нечего прибавить, убавить, изменить, переставить.

Время всегда такое, как на циферблате.
Прошлое и будущее кратки.
Память измеряется минувшей секундой,
предвидения — другой,
только начинающейся.

Слов сколько нужно. Ни одного лишнего,
а это значит, что нет поэзии,
и нет философии, и нет религии.
Такого рода вольности там не приняты.

Ничего из того, что можно только подумать
или увидеть, закрыв глаза.

Искать следует то, что явно под боком.
А спрашивать — лишь о том, на что есть ответ.
До чего бы они удивились,
умей они удивляться,
тому, что где-то есть поводы для удивления.

Возглас «тревога» мнится у них обценным,
ему не хватило бы духу найтись в словаре.

Мир представляется ясным
даже в кромешном мраке.
Доступным каждому по доступной цене.
Отходя от кассы, никто не спросит сдачу.

Из чувств — довольство. И никаких скобок.
Жизнь с прирученной точкой. И гулом галактик.

Согласись, ничего худшего
не может случиться с поэтом.
И нет ничего лучше,
чем поскорее проснуться.

Монолог для Кассандры

Это я, Кассандра.
А вот он город мой под пеплом.
А вот мой посох и пророческие ленты.
Вот голова моя, вместилище сомнений.

Я торжествую, я права.
И сполох правоты моей ударил в небо.
Лишь тем пророкам, коим веры нет,
видны такие дали —
тем, кто за дело так ретиво взялся,
что все смогло исполниться так скоро,
как будто их и вовсе не бывало.

Я помню ясно, как, меня завидя,
на полуслове замолкали люди.
Смех замирал.
И расплетались руки.
И дети к матери бежали.
Я и не знала их имен недолговечных.
А эта песенка о листике зеленом —
никто ее не допевал при мне.

Любила их.
Но свысока любила.
Превыше жизни.
Из грядущего. Где вечно пусто,
откуда легче легкого увидеть смерть.
Жалею я, что голос мой был тверд.
Взгляните на себя со звезд, — кричала,
взгляните на себя со звезд.
Те слушали и опускали взоры.

Жили в жизни.
Пронизаны великим ветром.
Обречены.
В телах, уже истлевших от рождения.
Но в них сырая теплилась надежда,
питая искрой крохотное пламя.
Им было ведомо, что означает миг,
о, хоть один, какой-нибудь
из прежних —

Вышло по-моему.
Но ничего из этого не вышло.
И вот мой пеплос, жаром опаленный.
И вот моя пророческая ветошь.
Вот искаженное лицо мое.
Лицо не знавшее, что быть могло прекрасным.